

УДК 821.161.1-1

**ПОЭТОЛОГИЧЕСКОЕ ЭССЕ ЮРИЯ ЛИННИКА
«КРУГ БЫТИЯ И КОЛЕСО ПЫТОК» О ВЕНКЕ СОНЕТОВ
МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА «CORONA ASTRALIS»
(ПОПЫТКА АДЕКВАТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ)¹**

Федотов О. И.

*Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия
E-mail: o_fedotov@list.ru*

Талант Юрия Линника гармонично сочетал глубокое философское осмысление мироздания с виртуозным мастерством его поэтического воплощения в самой сложной жанрово-строфической форме сонетных ассоциаций. Им было создано фантастическое количество безукоризненных по своим идейным и художественным достоинствам венков сонетов – 651. Поэт имел обыкновение публиковать свои произведения в сопровождении оригинальных авторских комментариев, написанных в стилистической манере Сократа, Ницше и Виктора Шкловского. Особую группу его сочинений составляют поэтологические эссе, к которой относятся и концептуальные размышления о двух пионерских венках сонетов Максимилиана Волошина «Corona Astralis» и «Lunaria», созвучных своим основным пафосом значительной части его собственной стефанистики. Одно из них представлено в данной публикации с адекватными комментариями. Другое, посвященное «Lunaria», как мы надеемся, будет опубликовано нашими смоленскими коллегами.

Ключевые слова: Юрий Линник; стефанистика; «Круг бытия и колесо пыток»; Максимилиан Волошин; венок сонетов «Corona Astralis»

ВВЕДЕНИЕ

Два поэтологических эссе, написанные Юрием Линником в присущей ему манере полупоэтических, полуфилософских сентенций, сменяющих, как у Виктора Шкловского, друг друга по принципу монтажных планов, когда «словам тесно, а мыслям просторно», отыскивались в моей электронной почте сами собой.

Как будто долго искал то самое, позабытое по Мандельштаму, слово, что хотел сказать, и вот оно нашлось...

Эссе посвящены двум шедевральным венкам сонетов Максимилиана Волошина «Corona Astralis» и «Lunaria».

Мое очное знакомство с Юрием Линником произошло в самом что ни на есть подходящем для этого месте – в Московском планетарии, где мировой рекордсмен по количеству написанных им высококлассных венков сонетов² (651!) читал свои замечательные произведения, посвященные главным образом космическим объектам мироздания.

¹ Комментарий к публикуемому поэтологическому эссе Юрия Линника подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ № 23-28-00545 «Сонеты и сонетные ассоциации в русской поэзии XIX–XXI вв.».

² Перу покойного поэта принадлежит и фундаментальное исследование, посвященное этой едва ли не самой сложной, технически изощренной жанрово-строфической форме, порожденной в эпоху Ренессанса, которая, с легкой руки словенского поэта Франце Прешерна, получила широкое распространение в славянских литературах и не просто обрела за два-три последних десятилетия новую жизнь, а испытывает невиданный, фантастический бум [5]. Она, можно сказать, инициировала новую отрасль стиховедения стефанологию – органическую часть строфики, изучающую цепные сонетные ассоциации. Только на русском языке написано и опубликовано свыше 10 000 сонетных венков.

И то сказать, центробежно-стремительная круговерть венка органично рифмуется с орбитами движения космических тел, издающих недоступную нашему слуху музыку небесных сфер, убедительно подтверждая прозрения Пифагора.

Волошин первым среди русских поэтов связывает карусель из 15 цепляющихся друг за друга сонетов с фактически породившим ее Космосом. Это случилось в 1909 г., на пике повального увлечения философией космизма, у истоков которой стоял Владимир Соловьев. Еще учил детей арифметике и геометрии калужский мечтатель Константин Циолковский, заодно разрабатывая проект преодоления земного притяжения. Готовил человечество к бессмертию Николай Федоров. Прозревал земной шар в голубой дымке ноосферы Владимир Вернадский. Вынашивал свои космические сонеты Александр Чижевский. К космизму были причастны и другие поэты Серебряного века: Андрей Белый, Велимир Хлебников, Александр Чижевский, Александр Кочетков, Григорий Ширман и мн. др.

КОММЕНТАРИИ

Публикуемое эссе, озаглавленное, конечно, не исследователем, доктором философских наук, профессором Ю. В. Линником, а поэтом Юрием Линником, снабжено уточняющим подзаголовком «(о венке сонетов “Corona Astralis”)». Оно состоит из 7 тезисов, раскрывающих концептуальные представления поэта о космической природе волошинского почина.

1. Своей «звездной короной» Волошин, по мнению эссеиста, предвосхитил и опозитизировал «современную картину мира» в том виде, в каком она предстала в сорокалетие между 1909 и 1949 г., когда выдающийся английский астроном-космолог Фред Хойл выдвинул преображенную им теорию «большого взрыва».

«В этом интервале времени, продолжает Линник, уместились откровения Альберта Эйнштейна – Александра Фридмана – Эдвина Хаббла – Георгия Гамова – Ильи Пригожина». Более всех, хотя и в предельно упрощенном виде, широкому кругу неспециалистов известен создатель теории относительности.

Хотя бы краткого комментария требуют имена его соратников. Александр Фридман – российский математик и физик, основатель современной физической космологии, создатель модели нестационарной расширяющейся Вселенной. Эдвин Хаббл – американский астроном-космолог, доказавший, что кроме Млечного Пути во Вселенной существуют и другие галактики. Георгий Гамов – российско-американский астрофизик, ученик Фридмана, автор теории «горячей Вселенной». В далеком прошлом, утверждал он, в моменты, предшествующие возникновению Вселенной в результате «большого взрыва», Вселенная имела значительно большую, чем сейчас, плотность материи и фантастически высокую температуру. Однако после «большого взрыва» она начала расширяться, а температура ее снижаться. Илья Пригожин – бельгийский физик, также выходец из России, лауреат Нобелевской премии по химии, один из основателей неравновесной термодинамики, доказавший, что «при притоке вещества и/или энергии из окружающего пространства в достаточно сложную среду, в ней возможно образование новых “диссипативных” (рассеивающихся) структур» [См.: 8; 9; 10].

Все эти ученые, в большинстве своем так или иначе связанные с Россией, были для Линника, коллегами по специальности и единомышленниками по образному восприятию мира.

Такое же родство он отметил и у Максимилиана Волошина, чутко уловившего и отразившего в своей «Corona Astralis» наметившуюся в мировоззрении современников «смену парадигм». На смену кругам Птолемея и эллипсам Кеплера пришли безвозвратные параболы, или, говоря иначе, «проверенные орбиты» и «неверные кометы» стали в его поэтическом Космосе «другими». Гармония сфер уступила «стохастическому (т. е. случайному, недетерминированному) – нелинейному – многозначному – неопределенному – спонтанному», если и не заглушив окончательно, то решительно и бесповоротно оттеснив ее на периферию. Душа, заплутавшись в лабиринтах «мучительных метаний и разуверений», вынуждена подобно ласточке фатально возвращаться в платоновский «чертог теней». Так первенствует ли в новейшей Вселенной необратимость? И всё ли возвращается на круги своя?

2. Далее внимание читателя переключается на заключительный катрен ультрасимволистского стихотворения Андрея Белого «Паук», написанного годом раньше «Короны», в 1905–1908 г.:

Невыразимого вопроса –
Проникновение во всё...
Не мирового ль там хаоса
Забормотало колесо? [1, с. 144]

Линник усматривает в нем не только диалектическое противоречие, поскольку

Хаос и колесо – по сути антонимы.
Хаос – игра случайных движений.
Тогда как космос – мерные колёса орбит.
Из этой метафоры выросла небесная механика,

но и «ключ к венку Максимилиана Волошина», о котором «можно сказать: это *закольцованный хаос*».

3. Хаос, как ему и полагается, рвется наружу. А потому главное чувство, которое вызывает волошинский венок, «это ощущение некой неволи». В качестве иллюстраций поэт предлагает «известные работы Гюстава Доре и Винсента Ван Гога, посвященные заключенным», если угодно, потенциальным читателям венка. Существенная, однако, разница видится ему в том, что «коловоращение у арестантов – медленное; тогда как внутри венка задается невероятный разгон», что, впрочем, «подобие ситуаций» отнюдь не ослабляет.

4. Любимым занятием поэта-философа было сопоставление изоморфных фигур, структур, понятий и образов, извлеченных порой из «далековатых», по меткому словцу Ломоносова, во времени и пространстве источников. Так ему представлялись в высшей степени сопоставимыми Круг Екклезиаста и Колесо Сансары – понятия не для всякого современного человека досконально внятные.

В первом случае речь, конечно, идет об одной из канонических книг Библии, которая фигурирует среди текстов, приписываемых Соломону, наряду с Притчами и

Песнью песней. Удобно думать, что израильский царь в молодости сложил вдохновенный гимн любви, а в старости, в предчувствии неизбежной смерти излил по этому поводу свою печаль: «Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Екк. Гл.1:18). Вряд ли, однако, это так. Исторические события, отраженные в тексте, не совпадают с эпохой Соломона, да и в языке слишком много арамейской лексики. Одни богословы склонны датировать Книгу Екклезиаста 450–400 гг. до Р. Х., другие гораздо позже, вплоть до царствования Ирода. [11]. По всем признакам она тяготеет к поэтическим, хотя и нестихотворным в современном употреблении этого понятия структурам [См.: 13, с. 12–13]. Во всяком случае его архитектура обнаруживает продуманную симметрию в сочетании глав, их взаимных ассоциаций и внутренней сегментации: 12 глав делятся на 4 части, каждая часть состоит из трех отделов, которые, в свою очередь, практически каждый, представлены тремя стихами (в библейском понимается, скорее риторическом, чем версификационном значении древнегреческого термина Στιχος – ряд как законченное по смыслу высказывание).

Весь текст книги Екклезиаста насквозь пропитан повтором итогового высказывания Проповедника: «Суета сует, сказал Екклезиаст, суета сует, – все суета!»; «...и вот, все – суета и томление духа!» (Екк. гл.1:2, 14) и т. д. почти во всех главах, с незначительными вариациями. К столь неутешительному выводу он приходит, исследовав и испытав «мудростию все, что делается под небом», наблюдая вечное коловращение явлений природы и течения человеческой жизни: один род неизбежно приходит на смену другому, «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит», также как и «Все реки текут в море» для того, чтобы вернуться к тому месту, откуда они текут», для того, чтобы опять течь» (Екк. Гл.1: 4, 5, 7). Но выразительнее всего эта мысль предстала в 6-м стихе: «Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои». Именно его имел в виду Линник, декларируя феномен «Круга Екклезиаста». В поддержку ему, видимо, можно упомянуть также 6-й стих заключительной 12-й главы: «Доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем» (Екк. гл. 12:6). Отсюда – рукой подать и до Колеса Сансары.

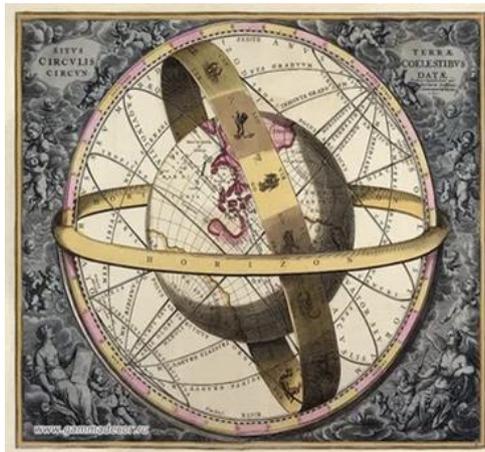
То, что Екклезиастом обозначено как «суета сует», в индийских религиозных учениях определяется понятием Сансары (в переводе с санскрита, «блуждания», «переход через различные состояния»), то есть тот же «круговорот», или, если поискать хотя бы приблизительный аналог в отечественной литературе, те же «хождения по мукам». Индусы верят в то, что наша жизнь есть непрерывная череда перерождений, перехода из одной формы существования в другую, затем в следующую и т. д. Всего насчитывается шесть воплощений: богов, асуров (бывших богов, изгнанных из горних пределов, которые обитают в пещерах и яростно сражаются с небожителями¹), людей, животных, претов (духов умерших, призраков среди живых) и обитателей нараки (своеобразного индуистского ада, состоящего из

¹ О том, что индийская мифология была хорошо известна Волошину и учитывалась им в образном структуре «Corona Astralis», можно судить по рифмам, которые он предложил своему сопернику Гумилеву для буриме. В концовке его собственного сонета «Облака», 1909, запечатлены экзотические Ассуры: «В морях зари чернеет кровь богов. / И дымные встанут меж облаков / Сыны огня и сумрака – Ассуры.» [См. подробнее: 14, с. 465].

определенного количества кругов, от 7 до 50, где демоны мучают грешников). Каждый индивидуум, подчиняясь своей карме (деяниям, за которые приходят воздаяния), обречены пройти свое колесо Сансары и достигнуть нирваны («угасания»), т. е. завершить процесс реинкарнации, чтобы в идеале стать буддой. Причем такого преобразования из всех существ может удостоиться лишь человек. Прообразом Колеса Сансары стало тележное колесо о восьми спицах, абрис которого зернами риса набросал на земле Будда:

Оба символа – и христианский, и индуистский – по мнению Линника экзистенциально-пессимистичны и «как бы имманентны» по отношению к «*Coelona astralis*»:

Будда пытался остановить круговорот на нулевой точке Нирваны, а Христос – на пике Преображения.

Это абсолютные низ и верх *Axis mundi*.

Такова амплитуда наших чаяний.

Перепад огромный!

На вопрос «Какой выбор делает поэт?» предлагается отнюдь не очевидный ответ: «Порой мнится, что он в – отличие от основателей мировых религий – культивирует само состояние безысходной замкнутости: не порывается наружу – принимает бытие как оно есть».

5. Детерминантой выявленной формы движения, как в том, так и в другом случае, очевидным образом служит «тема Вечного Возвращения» в характерной минорной тональности. Согласившись с Флоренским в том, что «Рок, тяготеющий над нами, есть Время», а само «слово “рок” имеет смысл темпоральный» [15, с. 193], Линник солидаризуется и с М. Фасмером, возводящим этимологию слова «время» к «вращению» («вращать», «вертеть») [13, с. 361]¹. Бездушное вращение вселенских шестерен видится ему внутри гигантского часового механизма, перетирающего «в пыль и прах все упования». Вечность есть не что иное, как остановленное мгновение. И тогда наступает забвение. И «анамнезис предопределяет многие реалии венка». Не о Волошине ли, авторе «*Corona astralis*», Борис Пастернак обронил свои пророческие слова: «Ты вечности заложник / У времени в плену»?

6. Не менее выразительным подобием сонетного венка представляются и круги Дантова Ада, особенно, конечно, второй, где подгоняемые ветром страсти носятся души тех грешников, «кого земная плоть звала». Именно этот ветер, считает Линник, «закручивается смерчем в «*Corona astralis*», а затем, видимо соединившись с родственным вихрем в «Двенадцати», носит бесов в «Северовостоке», 1920: «Расплясались, разгулялись бесы / По России вдоль и поперек. / <...> Войте, вейте, снежные стихии, / Заметая древние гроба: / В этом ветре вся судьба России – / Страшная безумная судьба.» [2, с. 273].

7. Последний, 7-й раздел своего эссе Линник открывает отнюдь не риторическим вопросом: *Круг бытия – и колесо пыток*: быть может, это одно и то же? И предлагает проконсультироваться на этот счет с Махаяной, Великой (Большой) колесницей буддийского пути. Такое поэтическое имя получило то направление буддизма, представители которого готовы стать сначала бодхисатвами, т. е. «существами, стремящимися к просветлению», а затем и буддами, т. е. уже «просветленными», «пробужденными», чтобы по достижению нирванны вырваться из сансары. Надо ли говорить о том, что эти многообразные преобразования сопровождаются не райским блаженством, а адскими муками? И человеку надлежит стоически их претерпевать.

Не менее авторитетным консультантом при ответе на поставленный Линником вопрос мог бы стать Серён Кьеркегор² основатель и истолкователь экзистенциализма

¹ Между прочим, сема этого же индоевропейского корня угадывается в латинском термине «*versus*», пришедшем на смену его греческому аналогу-предтече «стих(ос)».

² Специально философии Кьеркегора, в связи с введенным им в философский обиход понятием «*Dasein*» («вот-бытие», «здесь-бытие»), перекликающимся с житнетворческой философией русских поэтов XX в., была посвящена изданная в Словакии статья Линника [4]. Заодно она оказалась солидарным откликом на книгу Е. А. Ламихова [3]. Хайдеггеровское понятие *Dasain*, утверждает Линник, отозвалось в осознанном повороте русских поэтов от идеального горнего или вообще потустороннего мира к миру «здесь, всегда и везде». В качестве одного из самых характерных примеров освоения всей окружающей нас

общепризнанной «философии кризиса». «Главная идея Кьеркегора, по мнению Сергея Милерецкого, состоит в том, что, невзирая на безысходность и мрачность, царящие в мире, каждый человек напряжением силы воли может перейти и переходит по трем стадиям обоснования бытия. От эстетической, при которой цель жизни – наслаждения, к этической, где идеалом выступает чувство долга и нравственные принципы, и к религиозной, когда смыслом всего становится служение Богу через страдание» [3]. На этом пути пребывают многие персонажи Достоевского и – в еще более обнаженном виде – Грегор Замза, главный герой повести Франца Кафки «Превращение».

Вчитываясь в сонеты волошинского венка и воспринимая его образы сквозь многослойную округлую оптику художественного и научного анализа, христианства, буддизма и экзистенциализма, Линник прозревает в нем «сгущение боли», «апогей отчаянья» и «предел муки», потому что «страдание тут уже не психология, а онтология – главенствующая характеристика бытия». И завершает свои размышления наблюдением формального свойства: «Круговая форма венка как нельзя лучше отвечает его философскому содержанию».

Список литературы

1. *Белый А.* Собрание стихотворений 1914 г. «Литературные памятники». – М.: Наука, 1997. – 456 с.
2. *Волошин М.* Северовосток // Волошин Максимилиан. Стихотворения и поэмы. – СПб.: 1995. – 704 с.
3. *Ламихов Е. А.* Очерк русской поэзии XX века (досушие опыты неформального литературоведения). Книга первая. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой. 2013. – 215 с.
4. *Линник Ю. В.* Хайдеггеровское (dasein в русской поэзии XX века) // Nova Filologica Revue. – Словакия, Быстрица, 2016. – № 2. – С. 39–47.
5. *Линник Ю. В.* ΣΤ'ΕΦΑΝΟΣ. Венки сонетов. – Петрозаводск: Verso, 2014. – 340 с.
6. *Милерецкий С.* Экзистенциальные молитвы произведений Ф. М. Достоевского. – Режим доступа: <https://proza.ru/2015/07/01/1431>. – (Дата обращения 26.05.2023).
7. *Осипов А. И.* Самоорганизация и хаос. – М.: Знание, 1986. – 64 с.
8. *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы. – М.; Л.: Советский писатель, 1965. – 730 с.
9. *Пригожин И.* Введение в термодинамику необратимых процессов. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960. – 128 с.

действительности как универсального дома Линник приводит финал стихотворения Б. Пастернака «После вьюги»: «Ночью, сном не успевши забыться, / В просветленьи вскочивши с софы, / Цельный мир уложить на странице, / Уместиться в границах строфы» [8, с. 473]. И далее поэт декларирует выстраданные им и отлитые в афористически-концептуальные формулы утверждения: «Дом бытия имеет в русской поэзии много проектных решений. У Николая Клюева – это изба, у Андрея Вознесенского – небоскрёб. Но всегда обеспечивается главное: бытию комфортно – оно длится и длится. Даже в русской домовине оно не перестаёт быть бытием. Каждый погост у нас – как Элевсин: Персефона вернётся проторенным путём зерна. Тут мы отличаемся от Мартина Хайдеггера: у него – бытие-к-смерти, у нас – бытие-в-обход-смерти. На оппозицию здесь-там в русской поэзии естественно накладывается оппозиция дом-Рай» [4, с. 42].

10. Пригожин И. От существования к возникающему. – М.: Наука, 1985. – 326 с.
11. Пушкарев Д.Н. Вчитываясь в страницы Экклезиаста. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2017/09/12/52>. – (Дата обращения 26.05.2023).
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1. – М.: Прогресс, 1964. – 562 с.
13. Федотов О. И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха. В 2 кн. Кн. 1. Метрика и ритмика. – М.: Флинта – Наука, 2002. – 360 с.
14. Федотов О. Сонет. – М.: РГГУ, 2011. – 610 с.
15. Флоренский П. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. – М.: Путь, 1914. – 810 с.

References

1. Belyj A. *Sobranie stihotvorenij 1914 g. «Literaturnye pamjatniki»* [Collection of poems 1914 “Literary monuments”]. Moscow, Nauka Publ., 1997. 456 p.
2. Voloshin M. *Severovostok* [Northeast]. *Voloshin Maksimilian. Stihotvorenija i pojemy*. Sankt-Peterburgh, 1995. 704 p.
3. Lamihov E.A. *Oчерk russkoj poezii XX veka (dosuzhie opyty neformal'nogo literaturovidenija). Kniga pervaja* [Essay on Russian poetry of the XX century (idle experiments of informal literary ideas). Book one]. Moscow, Dom-muzej Mariny Cvetaevoj Publ., 2013. 215 p.
4. Linnik Ju.V. *Hajdeggerovskoe (dasein v russkoj poezii XX veka)* [Heideggerian (dasein in Russian poetry of the XX century)]. *Nova Filologicka Revue*, 2016, no 2, pp. 39–47.
5. Linnik Ju.V. *ΣΤ’ΕΦΑΝΟΣ. Venok sonetov* [ΣΤ’ΕΦΑΝΟΣ. Wreath of Sonnets]. Petrozavodsk, Verso Publ., 2014. – 340 p.
6. Milereckij S. *Jekzistencial'nye molitvy proizvedenij F.M. Dostoevskogo* [Existential prayers of the works of F.M. Dostoevsky]. Available from: <https://proza.ru/2015/07/01/1431> (Accessed 26 May 2023).
7. Osipov A.I. *Samoorganizacija i haos* [Self-organization and chaos.]. Moscow, Znanie Publ., 1986. 64 p.
8. Pasternak B. *Stihotvorenija i pojemy* [Poems]. Moscow; Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1965. 730 p.
9. Prigozhin I. *Vvedenie v termodinamiku neobratimyh processov* [Introduction to the thermodynamics of irreversible processes]. Moskva, Inostrannaja literatura Publ., 1960. 128 p.
10. Prigozhin Il'ja. *Ot sushhestvovanija k vznikajushhemu* [From existence to emergent]. Moscow, Nauka Publ., 1985. – 326 p.
11. Pushkarev D.N. *Vchityvajas' v stranicy Jekkleziasta* [Reading the pages of Ecclesiastes]. Available from: <https://www.proza.ru/2017/09/12/52> (Accessed 26 May 2023).
12. Fasmer M. *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka: V 4-h t. T. 1* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vol. Vol. 1]. Moskva, Progress Publ., 1964. 562 p.
13. Fedotov O.I. *Osnovy russkogo stihoslozhenija. Teorija i istorija russkogo stiha. V 2 kn. Kn. 1. Metrika i ritmika* [Fundamentals of Russian versification. Theory and history of Russian verse. In 2 books. Book 1. Metrics and rhythm]. Moscow, Flinta – Nauka Publ., 2002. 360 p.
14. Fedotov O. *Sonet* [The Sonet]. Moskva, RGGU Publ, 2011. 610 p.
15. Florenskij P. *Stolp i utverzhenie istiny. Opyt pravoslavnoj teodicei v dvenadcati pis'mah* [The pillar and ground of truth. The Experience of Orthodox Theodicy in Twelve Letters]. Moscow, Put' Publ., 1914. 810 p.

**YURI LINNIK'S POETICAL ESSAE
"THE CIRCLE OF BEING AND DE WHEEL OF TORTURE"
ABOUT THE WREATH OF MAXIMILLIAN VOLOSHIN'S SONNETS
"CORONA ASTRALIS"
(ANATTEMPT AT AN ADEQUATE INTERPRETATION)**

Fedotov O. I.

Yuri Linnik's talent harmoniously combined a deep philosophical understanding of the universe with the virtuoso skill of his poetic embodiment in the most complex genre-strophic form of sonnet associations. He created a fantastic number of sonnet wreaths that were immaculate in their ideological and artistic merits – 651. The poet used to publish his works accompanied by original author's comments written in the stylistic manner of Socrates, Nietzsche and Viktor Shklovsky. A special group of his works consists of poetical essays, which include conceptual reflections on two pioneer wreaths of Maximilian Voloshin's sonnets "Corona Astralis" and "Lunaria", consonant with their main pathos of a significant part of his own stephanistics. One of them is presented in this publication with adequate comments. Another one dedicated to "Lunaria", as we hope, will be published by our Smolensk colleagues.

Keywords: Yuri Linnik; stephanistics; "The circle of being and the wheel of torture"; Maximilian Voloshin; wreath of sonnets "Corona Astralis"